

Лыдин Н. Н.

Некоторые вопросы современной британской историографии военной истории Европы середины XVIII в.

Военные конфликты в Европе середины XVIII в. (1740–1763 гг.) занимают заметное место в её истории. Этот период характерен сменой эпох и военно-политической ситуации: старые государства уступали лидерство молодым державам, происходил передел территорий. Главной целью данной работы было рассмотреть и проанализировать основные направления изучения этого периода, сложившиеся в современной британской историографии.

Одним из ведущих научных учреждений Великобритании остаётся Кембриджский университет, самые последние достижения учёных которого воплотились в коллективном труде «Кембриджская история военного искусства» (*The Cambridge History of Warfare*)¹. Примечательно, что главной целью этой работы стало вовсе не исследование особенностей или сопоставление различных видов и школ военного дела, а попытка объяснить, почему «западные нации» во время войн всегда оказывались на шаг впереди всех остальных. Что касается боевых действий середины XVIII в., то для занимающегося соответствующим направлением исследователя Дж. Линна, наиболее важным представляются вопросы экономики. Автор считает, что именно сильная экономика Пруссии и финансовая помощь Великобритании позволили Фридриху Великому в течение долгого времени противостоять мощной коалиции противников. В то же время и победа Пруссии была маловероятной из-за подавляющего экономического превосходства антипрусской коалиции; даже крупные сражения под Россбахом² и Лейтеном³ по сути мало меняли стратегическую обстановку. В соответствии с таким подходом тактика Фридриха, направленная на минимизацию потерь признаётся Линном абсолютно правильной. Американский же театр боевых действий в колониях рассматривается автором как, по крайней мере, равнозначный европейскому, что объясняется опять же экономическими последствиями. Победив в колониях, Великобритания смогла отобрать у Франции лидирующие позиции в Европе. Все три силезские войны, по сути, мало изменили расстановку сил на континенте, тогда как победы Англии в Америке заметно укрепили её положение, ослабив Францию⁴.

Д. Шовалтера, ученый из Оксфордского университета, опубликовал монографию, посвященную периоду войн Пруссии середины XVIII в. В книге «Ранняя современная

Лыдин Николай Николаевич, аспирант Алтайской государственной педагогической академии.
Эл. почта: Intel80486@yandex.ru

¹ *John A. Lynn. States in Conflict // The Cambridge History of Warfare/ Geoffrey Parker, Victor Davis Hanson, Bernard S. Bachrach, Christopher Allmand, Patricia Seed, John A. Lynn, Williamson A. Murrey. Cambridge University Press, New York, 2009.*

² Россбах (Rossbach), город в Германии. В сражении при Россбахе 5 ноября 1757 г. Фридрих II дал одно из самых известных своих сражений, когда разгромил франко-баварскую армию.

³ Лейтен (Leuthen; современное Лютыня в Польше), селение в Силезии, западнее Бреславля, близ которого во время Семилетней войны войска прусского короля Фридриха II 5 декабря 1757 разбили австрийскую армию под командованием Карла Лотарингского.

⁴ *The Cambridge History of Warfare*, edited by Geoffrey Parker, Cambridge University Press, New York, 2009. P. 178–189.

военная история, 1450–1850» одной из особенностей научного подхода Шовалтера являлся его акцент не на личности Фридриха II или его войны, как было обычно принято в историографии, а на «Прусском военном государстве». Автор, таким образом, обращается к исследованию теории «милитаристического государства». Самой же характерной особенностью исследования Шовалтера является сильное влияние на его работу американских научных традиций. Это в частности проявляется в приписывании Пруссии многих популярных в США протестантских и гуманистических ценностей, а также в признании прусской системы набора в армию передовой именно на основании того, что подобная система широко применялась в США. С точки зрения автора, именно особая организация государства позволила Фридриху в течение долгого времени успешно противостоять почти всей Европе. После Вестфальского мира 1648 г., положившего конец Тридцатилетней войне, Бранденбург начинал как небольшое второразрядное германское государство, которое, благодаря разумной внешней политике, смогло к концу века достичь статуса «...крепкой, надёжной военной силы, но в целом ничем не примечательной»¹.

Желание прусских королей играть значительную роль в европейской политике наткнулось на необходимость содержать значительную армию, что при небогатых ресурсах страны, было проблематично. Решение, как считает Шовалтер, было найдено в виде создания особой административной системы, которая включала аристократию в государственный аппарат. Страна была разбита на районы (districts), за которыми закреплялись полки, а район, в свою очередь, на кантоны (cantons) по числу рот. Все годные к службе мужчины были потенциальными военнотружущими, они пополняли ослабленные потерями части в случае, если не удавалось завербовать достаточного количества вольонтеров. Большое количество потенциальных солдат давало возможность проводить отбор и освобождать некоторые группы от наборов. На практике лишь около 18 % мужского населения попадали под стандарты прусской армии. По мнению Шовалтера такая система являлась одной из наиболее передовых в Европе. Население кантонов было, таким образом, в двойственном положении, подчиняясь и гражданским и военным властям, а военные зачастую заботились и защищали своих потенциальных солдат.

Что касается выучки солдат, то точка зрения Шовалтера в этом вопросе расходится с традиционным мнением, сложившемся в российской и западной историографии, заключающемся в том, что основой боевой эффективности прусской армии была жёсткая «палочная» дисциплина. По мнению Шовалтера, главной силой армии была не дисциплина, а дух. «Принуждение в различных своих формах может держать людей в строю. Оно не может заставить их сражаться»². Не согласен автор и с традиционным пониманием прусской армии, как армии основанной на наказаниях. Напротив, большая часть отчётов и рассказов о всевозможных ужасах исходили, по мнению Шовалтера, либо от офицеров, выступавших за дисциплину, основанную на взаимоуважении и стремившихся противостоять политике высшего руководства, либо от людей, у которых было не совсем верное представление о службе, основанное на слухах и тому подобной недостоверной информации. Основная же масса наказаний выпадала на долю

¹ *The Cambridge History of Warfare*. P. 119.

² *Dennis E. Showalter. The Prussian Military State// Early Modern Military History, 1450–1850./Clifford J. Rogers, Fernando Gonzalez de Leon, Rhoads Murphy, Jan Glete, Geoff Mortimer, Dennis E. Showalter, Peter H. Wilson, Francis D. Cogliano, Richard Harding, Alan Forrest, Jeremy Black. Palgrave Macmillan Ltd., New York, 2004, P. 127.*

относительно небольшой группы злостных нарушителей дисциплины (рецидивистов), которые, согласно мнению автора, есть в каждой армии и которых можно контролировать только достаточными жестокими методами¹. Одну из главных причин, позволивших создать милитаризованное государство, автор видит в новом религиозном течении пиетизме. Оно проповедовало моральную ответственность перед объектом служения, характеризовалось приданием особой значимости личному благочестию, ощущению живого общения с Богом, а также ощущению постоянного нахождения под строгим и бдительным «Божьим оком». В Пруссии роль Бога частично взяло на себя государство.

Хотя традиционно считается, что во время правления Фридриха II прусское военное государство достигло своего расцвета, Шовалтер указывает на то, что именно он и привёл его на грань полного уничтожения. Войны 1740–1763 гг. стоили стране 180 000 жизней только военнослужащих и огромных материальных затрат. Но Фридрих не пытался изменить ситуацию, напротив, именно после окончания Семилетней войны расходы на армию были серьёзно уменьшены, что привело к снижению числа иностранных профессионалов и понижению качества вооружённых сил в целом, что, в свою очередь, негативно отразилось на жизни всего государства. Хотя, даже в таком состоянии ресурсов прусской армии оставалось вполне достаточно для поддержания статуса страны и проведения разумной внешней политики. Быстрое поражение же в войне с Францией Наполеона в 1806 г. Шовалтер связывает не с силой французской армии, а в первую очередь с количеством ресурсов и значительно большим населением Франции. При этом армию Франции автор вообще склонен считать подобием армии Фридриха Великого, то есть костяком из профессионалов, дополненным новобранцами. И хотя Пруссия проиграла, сама идея военного государства, согласно Шовалтеру, отнюдь не была дискредитирована и только политическая ситуация в послевоенной Европе прервала последовательное его развитие.

Историческая серия *Essential History*, выпускаемая издательством *Osprey*, показывает войну как сложный, многоплановый процесс, являющийся отражением особенностей эпохи. Автором издания, вышедшего в этой серии и посвящённого Семилетней войне, стал Даниэль Марстон². В своём исследовании он подчёркивает тот факт, что в основе войны лежали причины войны за австрийское наследство. Главным камнем преткновения оставалась область Силезии, бывшая главной причиной той войны и в итоге захваченная Пруссией. Но было и важное отличие: военные альянсы Австрия–Англия и Франция–Пруссия, остававшиеся незыблемыми в течение полувека, рухнули. Отправной точкой процесса, сломавшего старую систему союзов, Марстон называет 1755 г. Именно тогда Великобритания начала беспокоиться о своих собственных интересах в Ганновере. Обязанность защищать эту территорию³ сковывала её и без того небольшие силы, которые предполагалось использовать в первую очередь для противоборства в колониях. Это стало причиной переговоров с Россией, которая

¹ *Dennis E. Showalter. The Prussian Military State. P. 129.*

² Даниэль Марстон представляет из себя классический образец учёного нового типа. Он родился в Бостоне (США), проходил обучение в Монреале (Канада), в настоящее время проживает и работает в Великобритании. Таким образом, он максимально использует современные информационные связи. Марстон занимается исследованием британской военной истории в тесном сотрудничестве с представителями Оксфордского университета. Соавтором данного труда стал оксфордский профессор Роберт О'Нейл.

³ В первую очередь – по династическим причинам.

соглашалась выделить войска и флот для охраны Ганновера в обмен на солидную субсидию. Видя, что вокруг его страны складывается мощная коалиция, Фридрих II тут же переметнулся на сторону англичан, пообещав им, что не будет притязать на ганноверские земли¹. Конвенция полностью развеяла опасения англичан, и они прекратили свои переговоры с Россией. Принимая во внимание такую резкую смену курса, Австрия сразу встала на сторону Франции – самого непримиримого противника англичан. Согласно Версальскому договору² Австрия и Франция обязывались помогать друг другу в случае войны, Австрия не вмешивалась в англо-французское соперничество, но и не должна была помогать Великобритании в её колониальной политике.

Вопросы тактики и стратегии Семилетней войны не представляются Марстону особенно сложными. Низкая точность кремниевого мушкета вкупе с его относительно высокой скорострельностью делали линейную тактику наиболее практичной. Поскольку наиболее выгодной оказалась практика стрельбы практически в упор, очень важным фактором стала дисциплина. Только хорошо выученные солдаты могли спокойно ожидать подхода противника на дистанцию, где огонь становился наиболее смертоносным, неся при этом потери, в том числе – от артиллерии. Кавалерии отводилась роль ударных отрядов, но основной её целью стали фланговые атаки, желательно на уже истощённые подразделения противника. Самым же страшным для такой армии был обход с флангов: быстрое перестроение длинных и тонких линий было сопряжено с большими проблемами и грозило хаосом, что вело к поражению. Именно поэтому лучшей позицией для сражения Марстон называет изрезанную, холмистую местность, желательно предварительно укреплённую. Наступление, да и просто движение войск противника через естественные препятствия расстраивало его построение, что приводило армию в практически неконтролируемое состояние³.

Говоря о вооружённых силах стран участниц, Марстон рассматривает участвовавшие в войне армии не с точки зрения отдельных их достижений, выигранных сражений или нанесённого врагу ущерба, но оценивая их боевую эффективность как единого сложного организма. В первую группу автор выделяет армии Пруссии и Великобритании – самые подготовленные и показавшие наилучшие результаты на поле боя. Прусскую армию Марстон характеризует как «наиболее эффективную Европейскую армию, сражающуюся в линейном строю»⁴. Прусская кавалерия, которая ещё недавно уступала своим противникам, превратилась в грозную силу, способную действовать успешнее своих европейских коллег. Кантональная система комплектования армии оценивается Марстоном достаточно высоко, но им отмечается и тот факт, что эта система оказалась не готова к ведению настолько длительной войны и уже к 1759 г. её ресурсы истощились, что сказалось на «качестве» новобранцев. Несмотря на привлечение большого количества наёмников, прусская армия несла слишком большие потери. Как указывает Марстон: «на последнем этапе войны армия Фридриха насчитывала более 100 000 чел.,

¹ Вестминстерская конвенция от 15 января 1756 г.

² Первый Версальский договор от 1 мая 1756 г.

³ Osprey: Essential History. The Seven Year's War by Daniel Marston. Osprey Publishing, 2001. P. 16–19.

⁴ Ibid. P. 20

большей частью «сырых» (raw) рекрутов и военных заключённых¹, неспособных совершать манёвры, марши и мощные атаки»². Что до остальных родов войск, то они оцениваются как посредственные и автор особо отмечает, что Фридрих так и не смог создать убедительных лёгких войск наподобие австрийских «гренадеров». Главное достоинство британской армии автор видит в её высокой адаптивности к изменяющимся условиям, что позволяло компенсировать её недостаточную численность. Уже в 1759 г. британская армия усилила свои пехотные полки ротами лёгкой пехоты и гренадёров³.

Армии России и Австрии оцениваются несколько ниже. Имея самую многочисленную армию из участвовавших в войне, Россия ограничивалась посылкой относительно небольших корпусов, которые не превышали 90 тыс. чел.⁴ Главную силу российской армии Марстон видит в огромных людских и экономических резервах. Самым слабым местом армии была её системы снабжения и, говоря о перемещениях русской армии, автор характеризует её как «большую, неуправляемую, неорганизованную машину»⁵. Отмечая высокие качества российских солдат (особенно в защите), Марстон отмечает невысокий уровень командования. Это и было главной причиной относительно скромных достижений России.

В качестве главной характеристики австрийской армии Марстон выделяет её значительную численность и возможность каждый год выставлять на театр военных действий большие силы. Перед началом войны австрийцы пытались поднять уровень своих войск и сравняться с Пруссией но, хотя многое и было сделано, уровень подготовки их армии всё равно был ниже. Зато определённые успехи были достигнуты в артиллерии, которой удалось стать достаточно серьёзным противодействием. Используя хорошо укрепленные позиции и склады местности, австрийцам удавалось достаточно эффективно останавливать наступление противника. С точки зрения Марстона, это было большим достижением, так как Фридрих II сталкивался со значительными проблемами, штурмуя такие позиции. Обратной стороной медали такой тактики стала нерешительность и боязнь уходить с хорошей позиции. Эта ситуация усугублялась уровнем высшего командования, который характеризуется автором как весьма низкий. Австрийские генералы не могли скоординировать действия даже корпусов своей армии, не говоря уже о взаимодействии с русскими союзниками. Уступая пруссакам в лобовом столкновении, австрийцы смогли превзойти их в действиях на коммуникациях, используя свои лёгкие соединения.

Армию последней участвовавшей в войне крупной страны – Франции Марстон считает самой неподготовленной, отмечая, что «Семилетняя война отметила самую

¹ То есть военнотружущих других армий, попавших в плен либо дезертировавших из своих частей и включённых в состав прусской армии; как несложно догадаться, моральные качества таких «новобранцев» были низкими.

² Osprey: *Essencial History*. P. 72.

³ *Ibid.* P. 21–22.

⁴ Вся российскую армию на начало войны в 1756 г. Марстон оценивает в 333.000 чел., из которых только 174.000 были строевыми, а остальные были ополченцами либо несли гарнизонную службу. Для сравнения численность прусской армии называется в 145.000, британской – 90.000 с мобилизационным максимумом в 150.000, австрийской – 201.000, французской – 200.000 чел.

⁵ Osprey: *Essencial History*. P. 22.

низкую точку [состояния] французской армии в XVIII в.»¹ Насчитывавшая 200 000 чел. армия страдала от «недостаточного высокого уровня высшего командования, отсутствия дисциплины, некомпетентности офицеров и задержек в проведении необходимых реформ»². Основным фронтом, на котором действовали французские войска в Европе, стал Ганновер, где им противостояла союзная армия, собранная из войск Великобритании и её германских союзников. И именно здесь в полной мере проявилось отставание французской армии, которая оказалась неспособна проводить быстрые передислокации и эффективно маневрировать. Имея численное превосходство, французы так и не смогли захватить Ганновер; более того, по завершении каждой кампании их армия теряла до одной пятой своей численности в основном из-за болезней и дезертирства. На германских же союзников французам рассчитывать не приходилось: их войска собирались непосредственно перед войной и поэтому отличались низким уровнем подготовки. По оценке Марстона они были в состоянии выполнять максимум функции служащих гарнизонов и охранников путей снабжения. При этом нужно отметить, что, согласно авторской концепции, охрана коммуникаций в период Семилетней войны стала чуть – ли не самой большой проблемой.

Все семь лет война в Западной Европе вращалась вокруг попыток французов и британцев установить полный контроль над Ганновером. Каждая кампания проходила в бесконечных перемещениях и маневрах. Успех, достигнутый французами в первый год, Марстон объясняет неготовностью и малой численностью союзных войск, так как Великобритания не была заинтересована в выделении значительных сил для европейского театра. В последующие годы любая попытка решительного наступления разбивалась о проблему обеспечения своих войск на вражеской территории. Единственное крупное столкновение французских и прусских войск при Россбахе наглядно показало степень подготовки французов и их германских союзников. Главной и единственной причиной их страшного поражения автор называет чрезмерную самоуверенность, вылившуюся в попытку промаршировать в походных колоннах рядом с прусским лагерем³. Надежда на то, что прусские войска отойдут не оправдалась, и, не успевшие перестроиться, французы были быстро смяты.

Говоря о характере военных действий, Марстон часто подчёркивает то факт, что противоборствующие армии не гнушались реквизициями и часто притесняли мирное население. Война обошлась участникам очень дорого: «хотя историки относят Семилетнюю войну к классу ограниченных, она имела черты тотальной войны»⁴. Это выразилось в практике репрессий мирного населения, которое всё чаще рассматривалось, как вероятный поставщик рекрутов, продовольствия и прочих ресурсов для армии противника. Например, когда русские войска в 1757 г. прошли через территорию Польши и заняли Восточную Пруссию, эти регионы практически не испытали на себе военных лишений. В кампании же 1758 г. «достигнув Пруссии, они начали уничтожать всё на своём пути»⁵. Не обходит стороной автор и деятельность казаков, которые «чинили множество зверств в отношении прусского населения в районе Одера и донесения об этих событиях привели к тому, что в битвах при Цорндорфе и Куннерсдорфе пруссаки не щадили

¹ Osprey: *Essencial History*. P. 24.

² Ibid. P. 24.

³ Ibid. P. 51.

⁴ Ibid. P. 82.

⁵ Ibid. P. 53.

захваченных в плен русских солдат»¹. Другие армии, впрочем, были не лучше: «пруссакки использовали Саксонию как передовой склад (depot) для своих операций на протяжении всей войны [...] австрийцы и особенно пруссаки полностью разорили сельскую местность каждый сезон, начиная новую кампанию [...] пруссаки также взыскивали денежные контрибуции с соседних германских государств для проведения военных акций»².

Ещё одной важной особенностью войны, с точки зрения автора, стало резкое повышение влияния на войну экономики, поскольку деньги часто были движущей силой политических игр, а, начиная примерно с 1761 г., государства уже фактически вели «войну на истощение». Так, национальный долг Великобритании вырос за годы войны почти в два раза (с 75 до 133 млн. фунтов стерлингов) и это при том, что для Великобритании война сложилась достаточно удачно, на её территории не велось боевых действий, и британцы смогли вытеснить французов во многих выгодных торговых путях. Ещё более показателен пример Пруссии, которая начала войну имея на руках резерв в 13 млн. талеров. За годы войны налоги достигли 43 млн. талеров, что было тяжёлой ношей для населения, кроме того, Фридрих три раза осуществлял порчу монеты, получая каждый раз по 29 млн. Ещё 53 млн. Пруссия получила в виде трофеев от Саксонии и Силезии. Значительную финансовую поддержку Пруссии оказала Великобритания. По приводимым Марстоном оценкам Даффи, она составила 27 млн. талеров³. Ситуация в других странах была схожей: все они повышали налоги и охотно использовали реквизиции и налагали контрибуции (во время этой войны считалось вполне нормальным оставить город, получив солидную контрибуцию, как это произошло в Берлине)⁴.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что хотя данная проблематика и не является наиболее популярной в современной британской историографии, тем не менее, британским исследователям удалось рассмотреть практически весь спектр проблем, как военных, так и связанных с ними социальных и экономических.

¹ Osprey: *Essencial History*. P. 83.

² *Ibid.* P. 82.

³ *Ibid.* P. 83–84.

⁴ Во время взятия его русскими войсками в 1760 г.